

***О месте и значении Пушкина в истории русской литературы
Про місце і значення Пушкіна в історії російської літератури
Pushkin's position and significance in the history of Russian literature***

В статье аргументируется мысль о том, что место и значение Пушкина в истории русской литературы определены не столько тем, что он явился основоположником «критического» реализма в ней, сколько тем, что в его творчестве русская литература перешла из состояния риторичности в состояние художественности.

Ключевые слова: Пушкин, русская литература, реализм, риторичность, художественность.

У статті аргументується думка про те, що місце і значення Пушкіна в історії російської літератури визначаються не стільки тим, що він був фундатором «критичного» реалізму в ній, скільки тимЮ що в його творчості російська література перейшла із стану риторичності до стану художності.

Ключові слова: Пушкін, російська література, реалізм, риторичність, художність.

The article proves the idea that Pushkin's position and significance in the history of Russian literature were determined not only by the fact that he laid the foundation for "critical" realism, but rather by the fact that his works promoted the transition of Russian literature from being rhetorical to being artistic.

Key words: Pushkin, Russian literature, realism, rhetorical character, artistic character.

Тема настоящего доклада может показаться тривиальной и не заключающей в себе проблему. Со школьной скамьи нам известно, что Пушкин – основоположник русского "критического" реализма, более того, он является основоположником новой русской литературы. Однако тривиальность – не всегда гарант истинности, особенно ныне, когда литературоведение переживает период кризиса методологии и переоценки истин, давно ставших тривиальными.

Дело в том, что если ещё недавно в заглавии нашего доклада проблемным представлялось лишь "место и значение творчества Пушкина", то ныне больше вопросов вызывает понятие "история русской литературы". И это неудивительно: переосмысление методологии означает переосмысление представлений о ходе, характере, движущих силах, причинах развития литературы, а значит и переосмысление ее периодизации. Как заметил известный культуролог Л.М.Баткин, "историк вынужден отваживаться на периодизацию, если он хочет быть верен своей профессии. Выделить эпоху – уже значит оценить ее в известной мере. Методология начинается с периодизации, ею же она и увенчивается" [1, 102]. О том же говорит и известный французский историк Ж. Ле Гофф: "...Для историка овладение прошлым зависит, в частности, от его способности строить убедительные системы периодизации и разрабатывать различные подсистемы внутри наиболее общих и масштабных" [2, 27].

Но есть ли необходимость в переосмыслении и реформировании существующей периодизации истории русской литературы? Если такой необходимости нет, то нет и нужды переоценивать место и значение творчества Пушкина в этой истории, а значит – нет и нужды в данном докладе. Если же необходимость в этом есть, то следует объяснить, почему нужна новая периодизация истории русской литературы, предложить эту новую периодизацию и, наконец, определить уже в ее рамках место и значение творчества Пушкина. Необходимость переосмысления и реформирования существующей периодизации истории русской литературы представляется мне несомненной. На чем основана моя убежденность?

Попытаюсь объяснить это, рассмотрев два упомянутых выше тривиальных суждения: "Пушкин – основоположник "критического"

реализма в русской литературе" и "Пушкин – основоположник новой русской литературы", каждое из которых предполагает определенную периодизацию истории русской литературы.

Начнем с первого. Это суждение было бы несомненным, если бы не сомнения в том, что реализм Пушкина был по своему характеру "критическим" реализмом, т.е. (типологически) реализмом XIX века. Сомнения эти, а точнее – убеждение в том, что в это время именно такого реализма в России не было и быть не могло, ясно высказал и солидно аргументировал В.В.Кожин в ряде своих статей еще более двух десятилетий назад. В этих работах ученый подвергает критическому анализу всю периодизацию истории русской литературы, основанную на идее смены литературных направлений; что же касается критического реализма, то ему В.В.Кожин посвящает статью "Русская литература и термин "критический реализм" (1977). Здесь мы, в частности, читаем: "Время с конца XVII до второй трети XIX века было эпохой становления и развития русского ренессансного реализма, венцом которой явилось творчество Пушкина и молодого Гоголя... Ни о каком критическом реализме здесь не может быть и речи... Для меня столь же ясно, что концепция, согласно которой развитие русской литературы от зрелого Пушкина до Бунина протекает в рамках критического реализма, – ошибочна и неплодотворна. С типологической точки зрения, творчество Пушкина вполне соответствует тому, что мы называем ренессансным реализмом, Гоголя – барокко, Герцена и Тургенева – просветительскому реализму, Достоевского – романтизму и т.д. В последние годы этого рода представления властно проявляются в работах многих литературоведов" [3, 502]. Завершающее цитируемый нами фрагмент утверждение В.В.Кожина иллюстрирует выдержками из целого ряда трудов авторитетных исследователей. Хорошо аргументированные суждения В.В.Кожина, а также приведенные им высказывания маститых ученых, и поныне не опровергнутые, заставляют серьезно усомниться в очевидной, казалось бы, справедливости тезиса "Пушкин – основоположник русского критического реализма". Оказывается, что реализм Пушкина либо вовсе не был "критическим" (т.е. реализмом XIX века), либо был не только (и, может быть, не столько) "критическим", но одновременно еще и ренессансным, и просветительским, то есть "синтетическим".

Сложность данной проблемы обусловлена не только своеобразием русского литературного процесса конца XVIII – начала XIX в. и не только

своеобразием собственно пушкинского творчества, но и явно недостаточной разработанностью **теории** литературного процесса. Так, в последние три десятилетия в литературоведении не раз высказывалась мысль о том, что литературное направление по целому ряду причин не может служить крупнейшей единицей членения литературного процесса, что насущной необходимостью является введение в научный оборот понятия более высокого уровня, чем "направление", понятия, которое бы могло выполнять функции такой единицы. В некоторых авторитетных изданиях (вроде "Истории всемирной литературы" или 4-томной "Истории русской литературы"), а также в монографиях отдельных ученых (Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, И.Г.Неупокоевой, Г.Д.Гачева) в качестве такого понятия использовано понятие "тип литературы". Обычно особым типом литературы считают литературу средневековую, иногда речь идет и о "литературе типа нового времени" (выражение Д.С.Лихачева). К сожалению, концепция типа литературы в теоретическом отношении донныне остается неразработанной; в научной литературе не удается найти даже определение понятия "тип литературы". А ведь именно разработка теоретической концепции типа литературы может послужить основанием для определения специфики литературных направлений в данной национальной литературе, для уяснения характера развития последней, наконец, для определения места и значения творчества того или иного писателя в истории данной литературы.

Теоретически не обоснованное, не осмысленное в историческом своем измерении, интуитивно используемое понятие "тип литературы" не только не облегчает, но еще более затрудняет решение стоящих перед литературоведением проблем. Убедительным доказательством тому служит тезис "Пушкин – основоположник новой русской литературы".

Новая русская литература сменяет собой древнерусскую литературу – литературу средневекового типа. По мнению ряда авторитетных ученых (Д.С.Лихачев, Г.Н.Поспелов, А.Н.Робинсон, В.В.Кожин, В.П.Вомперский, М.Н.Виролайнен и др.), конец литературного Средневековья приходится в России на середину-вторую половину XVII в. Означает ли это, что творчество, скажем, С.Полоцкого являет собой первую страницу новой русской литературы? Лишь немногие литературоведы положительно отвечают на этот вопрос, большая же часть их считает, что новая русская литература начинается с Ломоносова. Об этом нередко говорил и Белинский, возводя начало ее к созданной в 1739 г. "Оде на взятие Хотина". Впрочем, в статьях великого критика (особенно в поздний период) часто встречаются и

высказывания о том, что русская **литература** началась с Пушкина, а до Пушкина была не литература, а **словесность** или **письменность**. Отличия пушкинского творчества и послепушкинской литературы от литературы допушкинской слишком очевидны, чтобы не признать: творчеством Пушкина начался не просто русский реализм (ренессансный, просветительский, "критический" или "синтетический"), началось нечто большее, значит с него началась новая русская литература. Сказав так, мы окончательно запутываем дело. Если конец Средневековья приходится приблизительно на середину XVII в., а новая русская литература начинается с Ломоносова, то куда отнести творчество русских авторов от Полоцкого до Кантемира и Тредиаковского (а ведь это чуть ли не целое столетие)? Может быть, к этапу **перехода** от древнерусской литературы к новой? Однако был ли такой плавный и длительный переход? Сомнительно, ведь творчество образованного "литвина" С.Полоцкого отличалось от творчества его московско-русских предшественников и современников, все еще мысливших категориями средневековой словесности, не менее разительно, чем творчество Пушкина от творчества Тредиаковского. Если новая русская литература началась с названной оды Ломоносова, а основы ее заложил Пушкин, родившийся ровно через 60 лет, то как она существовала 80 или 90 лет без основ? Если же новая русская литература началась с Пушкина, то куда следует отнести литературу от С.Полоцкого до Пушкина – литературу уже не средневековую, но еще не новую?

Выделение в русской литературной истории двух этапов – литературы средневекового типа и "литературы типа нового времени" – основывается на традиционной периодизации социально-экономического развития общества, согласно которой с Английской буржуазной революции XVII века в Европе начинается эпоха Нового времени. Так как переходный характер XVII века в истории России очевиден, то, следовательно, и здесь в XVII веке начался переход к Новому времени. Однако загвоздка заключается в том, что в истории русской литературы отчетливо просматриваются два переломных момента (2-я половина XVII в. и 30-40-е годы XIX в.), а в истории социально-экономического развития общества для всей этой эпохи предусмотрен лишь один такой переломный момент. Пытаясь синхронизировать периодизацию литературной истории с периодизацией социально-экономической истории, мы неизбежно входим в тупик неразрешимых противоречий. В стремлении как-либо разрешить их, мы и высказываем не слишком обремененные логичностью

суждения о том, например, что новая русская литература возникла с первой одой Ломоносова, а через 80 или 90 лет Пушкин начал закладывать ее основы.

Впрочем, существует и более "диалектичная" точка зрения, согласно которой новая русская литература рождается в середине XVII в., активно развивается в XVIII в., а в пушкинском творчестве она вступает в период своей зрелости. Эта точка зрения может быть верна при одном условии: если мы признаем, что литература XVIII в. и литература XIX в. – это литература одного типа. Однако согласиться с этим едва ли возможно.

Литература средневековая и литература послесредневековая – это, действительно, разные типы литературы, но это вовсе не означает, что вся послесредневековая литература представляет один тип литературы. Работами крупнейших современных культурологов и литературоведов – С.С. Аверинцева, Л.М. Баткина, М.Л. Гаспарова, П.А. Гринцера, А.В. Михайлова, А.М. Панченко – убедительно обоснована концепция, согласно которой европейская словесная культура приблизительно до рубежа XVII-XIX вв. была риторической по своей природе, тогда как после этого рубежного времени литература становится художественной.

Развивая идеи этой концепции на материале истории русской литературы, мы в своей работе [4] предлагаем новую ее периодизацию. По нашему убеждению, до середины XVII века в истории русской словесности длится период религиозно-риторического типа литературы. Медленно вызревавший с XVI века его кризис предельно обостряется (в силу ряда причин, характеризовать которые здесь у нас нет возможности) в середине XVII в. В результате начинается активное утверждение нового – светско-риторического – типа литературы. Важнейшими процессами в русле этого утверждения были секуляризация и европеизация, культурная потребность России в которых была особенно велика в связи с тем, что русская культура до этого времени не знала Ренессанса. Светско-риторический тип литературы, в рамках которого развиваются такие литературные направления, как барокко, классицизм, сентиментализм, просветительский реализм, предромантизм, в известной мере выполнил функции Ренессанса. Наконец, на смену ему приходит новый – эстетический тип литературы. Но он не пришел сам собой: в России он в решающей мере утверждался усилиями Пушкина. Именно в пушкинских произведениях русская литература совершает эпохальный по своей важности и при этом поразительно стремительный переход от риторичности к художественности.

В этом, по нашему убеждению, и состоит основное значение творчества великого поэта – куда более огромное, чем значение творчества основоположника неизвестно какого реализма, и куда более понятное, чем значение творчества основоположника неизвестно когда возникшей "новой русской литературы".

Литература

1. Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность/Вопросы философии. – М., 1969. – № 9. – С. 99-108.
2. Ле Гофф Ж. С небес на землю. (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII-XIII вв.)/Одиссей. Человек в истории. 1991. – М.: Наука, 1991. – С. 25-47.
3. Кожин В.В. Русская литература и термин "критический реализм" / Кожин В.В. Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991. – С. 471-502.
4. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI-XX веков. – Одесса: Маяк, 1997. – 712 с.

Статья впервые опубликована в издании: Проблемы сучасного літературознавства: Зб. наук. праць.- Вип. 7. – Одеса: Маяк, 2001. – С.86-91.